УДК 903.5,63 (571.51)

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У ПОСЁЛКА ДРОКИНО В КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

С.М. Фокин

В 2017 г. жителем г. Красноярска открыто одиночное бескурганное захоронение севернее города у п осёлка Дрокино на л евом берегу р. Качи – притока р. Енисея. Погребение выполнено по обряду трупосожжения на стороне. Могила без каких-либо наземных обозначений располагалась в степной местности у подножия горы. Захоронение отличает богатый сопроводительный инвентарь из 82 артефактов, включая предметы вооружения и конского снаряжения. Коллекция представлена железными наконечниками стрел, крюком для подвешивания колчана, ременными пряжками, удилами. Большинство артефактов изготовлено из бронзы, в том числе накладные бляшки, ременные пряжки и обоймы на конскую сбрую. Они украшены преимущественно растительным орнаментом. Также представителен набор бляшек с м отивом «пламенеющая жемчужина». Сбруйный набор находит близкие аналогии в памятниках енисейских кыргызов на территории Минусинской котловины и Тувы. На основе выявленных аналогий погребение датируется X–XI вв. Несмотря на наличие кыргызских вещей, захоронение принадлежало местному населению, предположительно захоронен воин-кыштым. На это также указывает отсутствие курганной насыпи и на дмогильного сооружения, нетипичное для кыргызов расположение внизу возвышенности.

Ключевые слова: средневековье, енисейские кыргызы, конская сбруя, наконечник стрелы, растительный орнамент, Приенисейская Сибирь, Минусинская котловина, Тува, Красноярск.

Введение

В августе 2017 г. один из жителей г. Красноярска с помощью металлоискателя обнаружил вблизи пос. Дрокино скопление археологических находок, включающее бронзовые накладки на конскую сбрую, железные удила, ременные пряжки и на конечники стрел. Собранные артефакты были предложены для продажи Красноярскому краевому краеведческому музею. По разъяснении юридических норм, регулируемых в данной сфере законодательством Российской Федерации, предметы сначала оставались на временном хранении для изучения, а затем были безвозмездно переданы в фонд музея. Состоялся выезд специалистов на место их обнаружения. Вскрытый участок оказалось засыпанным, но на поверхности в отвале зафиксированы многочисленные обломки кальцированных костей, что и позволило определить эту находку как погребение средневекового времени, выполненное по обряду трупосожжения на стороне. В начале сентября 2018 г. автору данной публикации при участии первооткрывате-

ля удалось произвести на обозначенном месте научные раскопки. Результатам этих работ и посвящена предлагаемая статья.

Характеристика захоронения

Захоронение расположено в Ем ельяновском районе Красноярского края в 6 км северо-западнее ближайшей отметки городской черты Красноярска и в 1 км северо-восточнее пос. Дрокино по левому берегу р. Качи, притока р. Енисея. Погребение находилось на южном склоне у подножия безымянной сопки. Вся окружающая местность степная. Ландшафт представлен цепью с опок со скальными выходами вдоль р. Качи. В р ельефе место захоронения не выделяется, каких-либо надмогильных сооружений также не зафиксировано (рис. 1, 2). Западнее вдоль р. Качи выявлены две стоянки, относящиеся к эпохам каменного и железного веков. Стоит добавить, что осенью 2018 г. во время исследований погребения в 200 м южнее была открыта ещё о дна стоянка – Дрокино-5, датирующаяся от н еолита до средневековья. В 3 км северо-западнее у одной из возвышенностей, неофициально именуемой «гора Монашка», расположен комплекс захоронений, относящихся к периодам развитого и позднего средневековья, исследование которого производилось в 1984-1985 гг. археологической экспедицией Новосибирского госуниверситета под руководством С.Г. Скобелева (Скобелев, Митько 2007: 212).

В ходе полевых исследований на месте фиксации погребения заложен шурф размерами 2×3 м. Как это ни покажется странным, но кальцированные остатки в н ебольшом числе зафиксированы только в дер новом покрове. Непосредственно в слое никакого материала обнаружено не было. Глубина грабительского вскрытия не превышала 15 см. Стратиграфия представлена дерново-травянистым слоем мощностью 10–15 см, нижележащим слоем бурого (красно-коричневого) суглинка мощностью 10 см, содержащего мелкие скальные обломки материковой породы и под ними

Рис. 1. Карта-схема расположения погребения

слой бурого рыхлого суглинка с крупными кусками скальной материковой породы и выходами цокольного скальника. Общая глубина вскрытия 35 см.

По следам грабительских изъятий и устным рассказам самого «изыскателя» установлено, что большая часть материала находилась в пределах заложенного шурфа в дёрне, на границе дёрна и суглинка, либо прямо на дневной поверхности. Отдельные находки зафиксированы в 2–3 м в стороне вниз по склону от основной концентрации. Можно сделать вывод, что, скорее всего, погребение до момента обнаружения уже частично подверглось разрушению. Учитывая близость подножия сопки, где территория относительно ровная и представляет собой небольшую котловину, образовавшуюся между несколькими сопками, вполне вероятно, что здесь в советское время могло быть пахотное поле, и верхние слои переотложены. Это, в частности, повлекло разрушение погребения. Пахотные поля и сейчас имеются поблизости, но интересующая нас территория выкуплена под строительство коттеджных посёлков. Может возникнуть вопрос: правомерно ли считать находку захоронением? Несмотря на малое число костных остатков, среди них имеются обломки трубчатых костей, которые с большой вероятностью идентифицируются как человеческие конечности. Кроме того, автор ранее многократно изучал подобные погребения, выполненные по обряду трупосожжения, поэтому в своём определении типа памятника не сомневается.

Описание коллекции

Сопроводительный инвентарь погребения включает 82 предмета (ККМ О/Ф № 13248). Все изделия носят следы вторичного обжига, благодаря чему железные артефакты имеют минимальные следы коррозии. По

Рис. 2. Общий вид местности и расположение погребения (указано стрелкой)

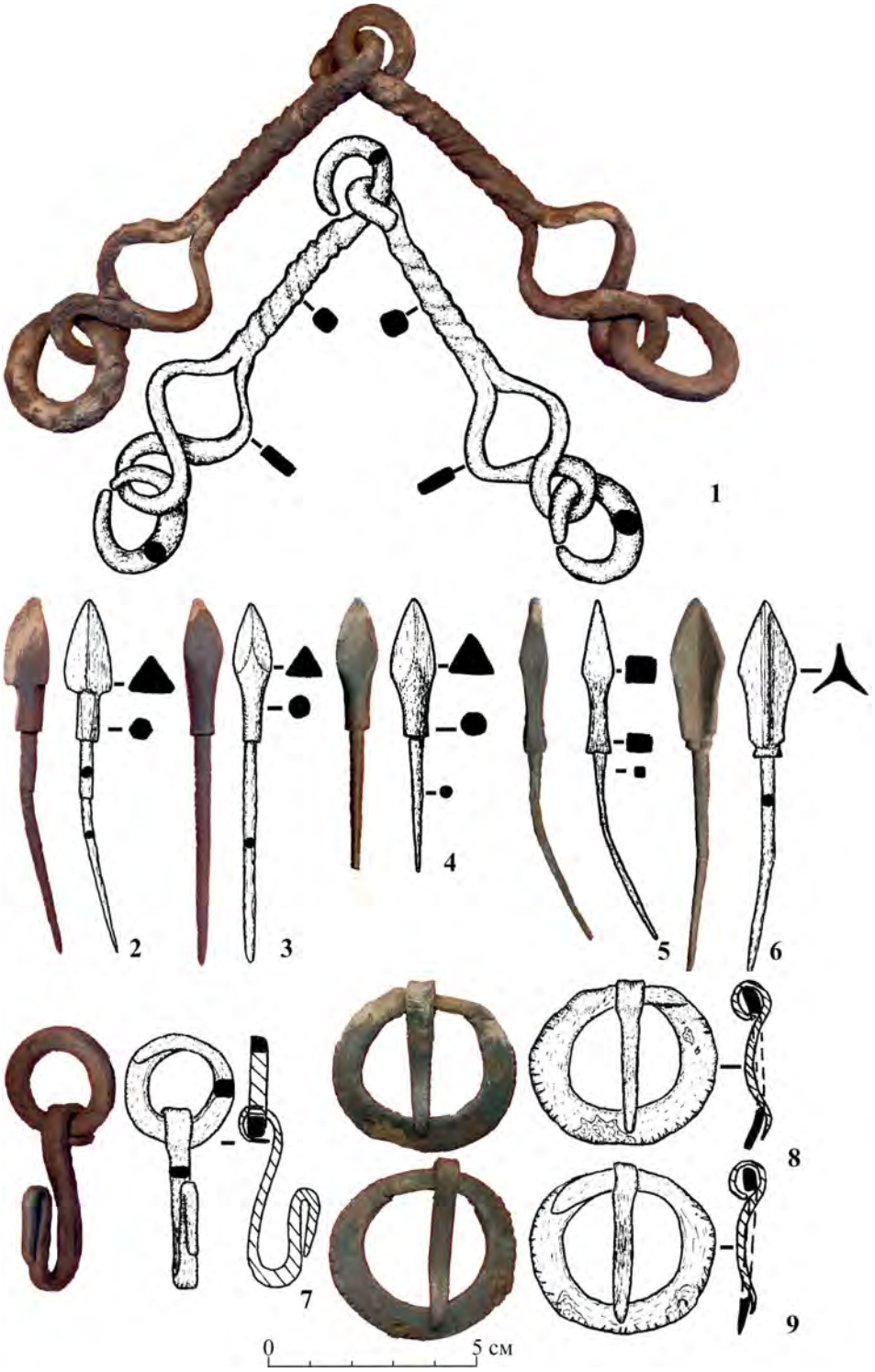


Рис. 3. Инвентарь погребения. Железные изделия

категориям коллекцию можно разделить на детали оружия дистанционного боя и конское снаряжение.

Предметы дистанционного боя включают один трёхлопастной и четыре железных боеголовковых наконечника стрел, а также крюк для подвешивания колчана.

Два наконечника асимметрично-ромбической формы имеют в ударной части трёхгранное сечение, переходящее к упору в круглое. Насад так же круглый в профиле (рис. 3: 3, 4). Третий наконечник имеет подтреугольную в плане боевую часть с уступом. Головка наконечника треугольная в сечении, ниже шестигранная, черенок круглый (рис. 3: 2). Ещё один экземпляр имеет четырёхгранный профиль, ромбическую головку с покатой шейкой и выделенным упором (рис. 3: 5). Трёхлопастной асимметрично-ромбический наконечник имеет небольшие лопасти, покатые, слегка вогнутые плечики и выделенный упор перед переходом в насад (рис. 3: 6).

Железный крюк для подвешивания колчана снабжён кольцом, к которому прикреплён подвижный массивный S-образный стержень, один из концов последнего обвит вокруг кольца, а другой ещё раз загнут и сплюснут с основной частью крюка (рис. 3: 7).

Предметы конского снаряжения включают железные и бронзовые части сбруи.

Железные предметы представлены витыми в осьмёркообразными удилами без псалиев (рис. 3: 1) и двумя овально-рамчатыми бесщитковыми пряжками с подвижным язычком. В обоих случаях на внешних гранях уплощённой рамки нанесены наклонно поставленные насечки (рис. 3: 8, 9).

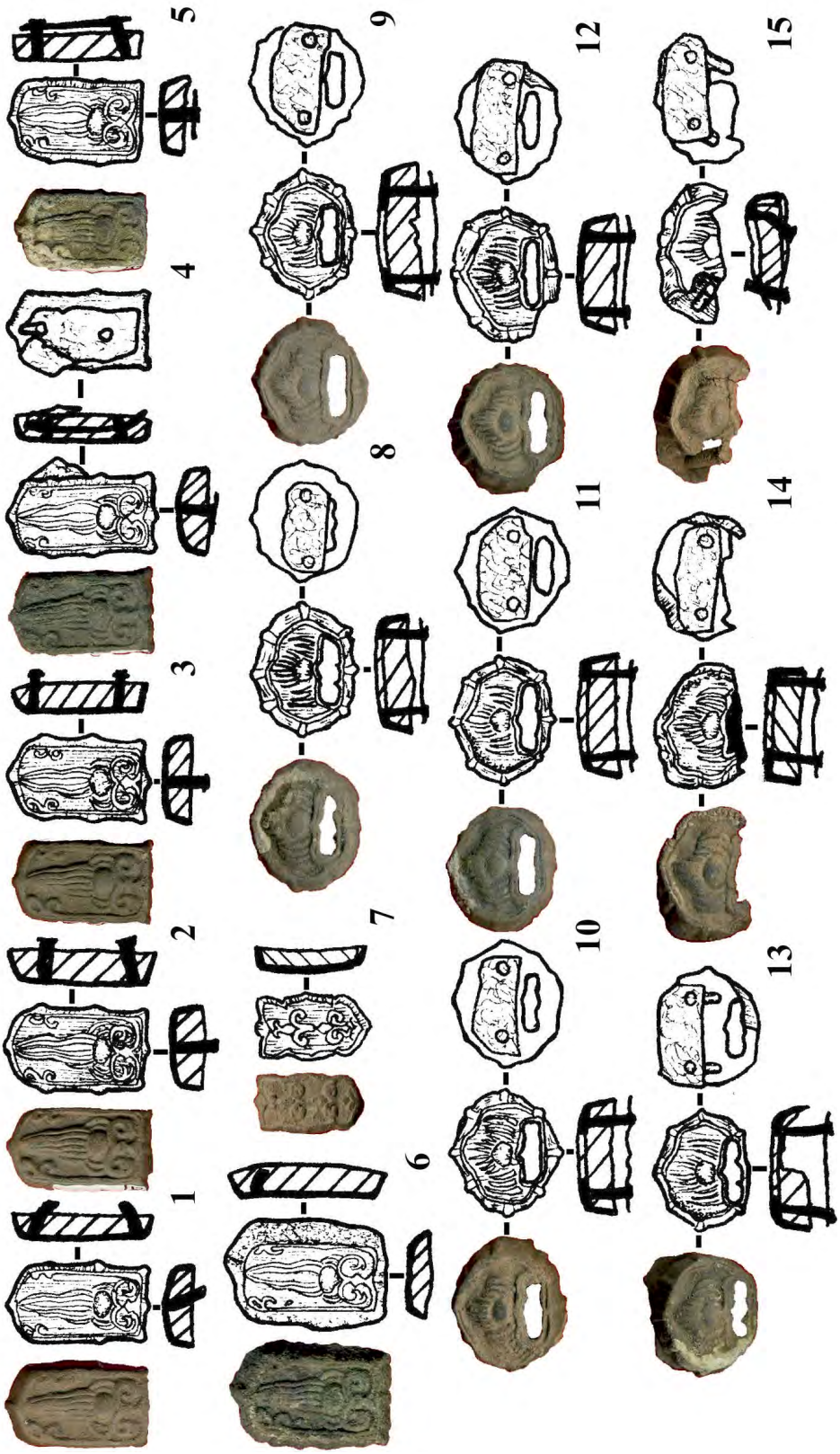
В наибольшем количестве представлены бронзовые изделия, среди которых ременные пряжки, накладные бляшки и ременные обоймы. Накладные бляшки делятся на несколько типов. Их описание основано на типологии, предлагаемой Г. Г. Король (Король 2008: 157,176).

Шесть концевых бляшек размерами 2,2×1,4 см (кроме одной слегка оплавленной, размеры которой 2,6×1,7 см) орнаментированы растительным узором в виде расщеплённого побега, из которого выходит жемчужина, увенчанная волнообразными, сходящимися в конус линиями («пламенеющая жемчужина»?). На двух экземплярах сохранились с тыльной стороны железные пластины, закреплявшие бляшку на ремне (рис. 4: 1-6).

Следующий тип представлен восемью восьмиугольными бляшками размером 1,8×2,1 см, орнаментированными узором «пламенеющая жемчужина». Под «жемчужиной» имеется вытянутое отверстие. На некоторых бляшках на гранях отверстия прослеживаются внизу «зубцы» и вверху посередине заострённое углубление. Можно предположить, что в первоначальной форме отверстие представляло собой трафарет растения, из которого и вырастала жемчужина. Некоторые из рассмотренных изделий деформированы и частично разрушены. Все они имеют с внутренней стороны медные пластины, закрепляющие бляшку на ремне (рис. 4: 8-14).

Ещё один тип включает 4 бляшки размерами 1,6×1,8 см в форме растительного бутона, орнаментированные узором «пламенеющая жемчужина». Предметы так же имеют отверстие, напоминающее по форме символ сердца. На одной из бляшек сохранилась с обратной стороны пластинка для крепления ремня, изготовленная из железа (рис. 4: 16-19).

Двенадцать бляшек размерами 1,2×1,3 см имеют пятиугольную форму и повторяющийся узор в виде расцветшего пятилистного бутона лотоса. На


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

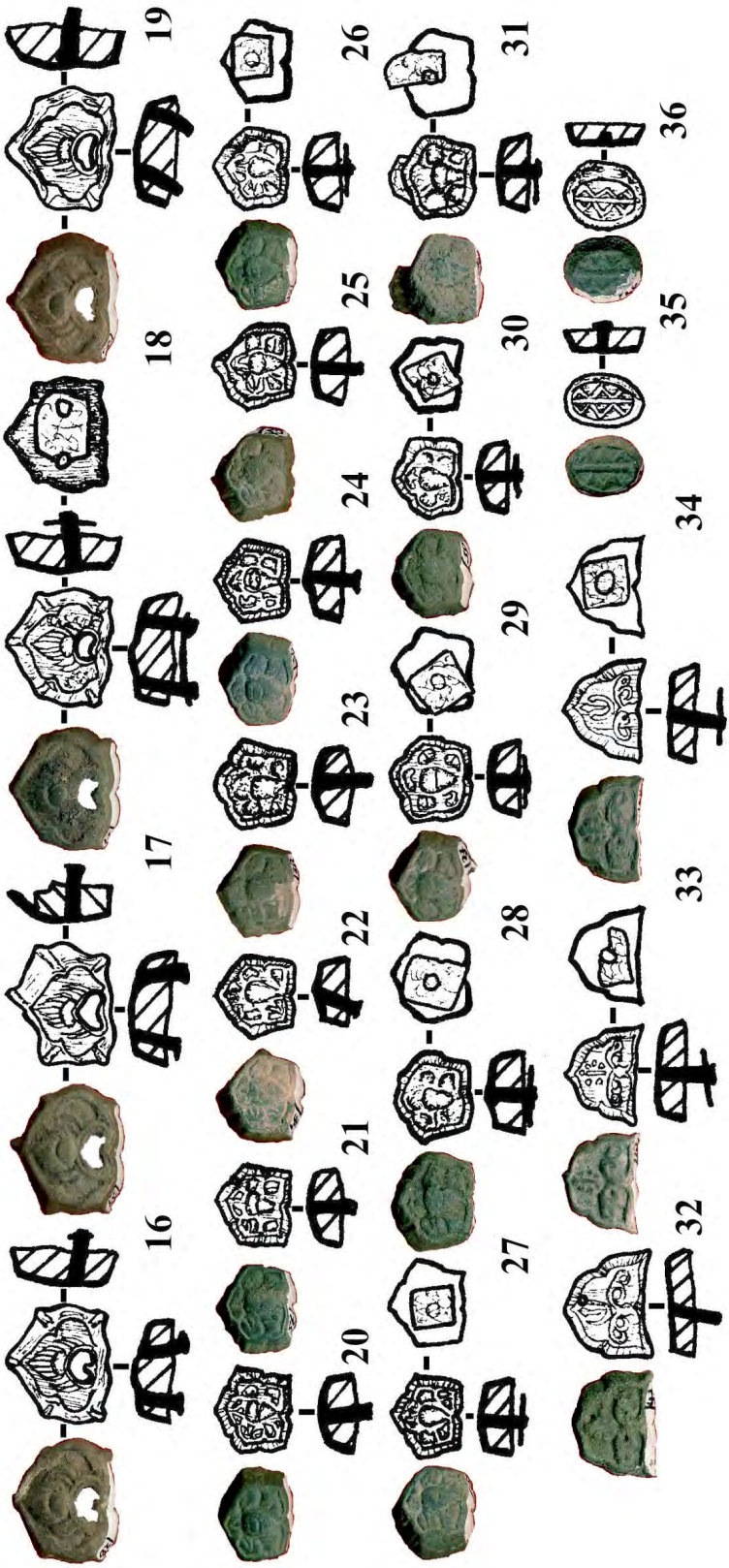


Рис. 4. Инвентарь погребения. Бронзовые накладные бляшки

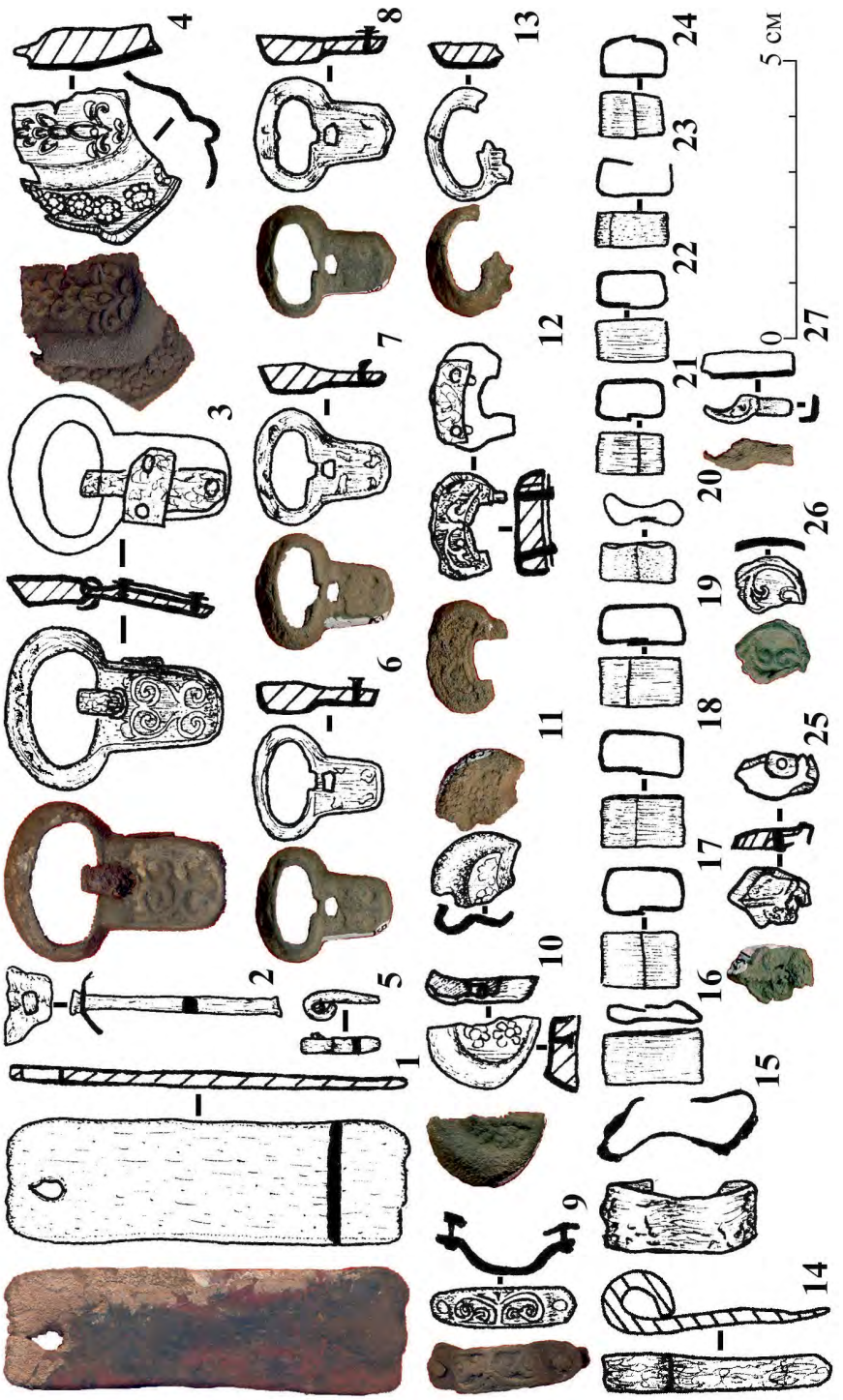


Рис. 5. Инвентарь погребения. Железные (1, 2, 5, 14), бронзовые (3, 4, 6–13, 25–27) и медные (15–24) изделия

пяти экземплярах сохранились с обратной стороны медные пластинки для крепления к ремню (рис. 4: 20-31).

Ещё три бляшки имеют фигурную форму, подогнанную под орнамент в виде расщеплённой лозы, увенчанной виноградной (?) гроздью. На одном экземпляре гроздь хорошо различима, на других её контуры слабо видны. Пластинка для крепления ремня с обратной стороны медная. Размеры: 1,1×1,4 – 1,2×1,5 см (рис. 4: 32-34).

Имеются ещё две миниатюрные овальные бляшки размерами 1,2×1,0 и 1,2×0,8 см; украшены геометрическим орнаментом в виде срединной прямой линии и примыкающих к ней с обеих сторон зигзагообразных полос (рис. 4: 35, 36).

Одна концевая бляшка небольших размеров (1,7 х 1,0 см) украшена «гирляндой» из двух трилистников (рис. 4: 7).

Остальные бляшки представлены обломками. Среди них выделяется относительно крупных размеров изделие, украшенное по внешнему поясу цепью семилистных цветков, а за рельефно-выпуклым поясом «гирляндой» из двух трилистников (рис. 5: 4).

Подобный орнамент с семилистными цветками имеется ещё на трёх* фрагментах, которые, возможно, являются обломками вышеописанного экземпляра (рис. 5: 10, 11).

Другой фрагмент бляшки имеет фигурное отверстие. Над ним расположен орнамент в виде расходящихся растительных побегов. С тыльной стороны сохранилась медная пластина для крепления к ремню (рис. 5: 12). Возможно, к этому изделию относится другой обломок с заметными следами орнамента (рис. 5: 27).

Ещё одна бляшка фигурной формы частично деформирована. Несмотря на термическое воздействие, прослеживаются следы растительного орнамента (рис. 5: 25).

На другом фрагменте бляшки различим растительный узор в виде расходящихся побегов по границе плоскости (рис. 5: 26).

Отдельный обломок является частью вышеописанных бляшек с узором «пламенеющая жемчужина».

Кроме этого, имеется ещё три обломка сильно оплавленных бляшек, чей первоначальный вид, как и орнамент, не поддаётся реконструкции.

К разновидности накладных бляшек можно отнести изогнутую (арочную в профиле) скобу, украшенную растительным узором в виде расходящихся в сторону вьющихся побегов. Судя по наличию крепёжных шпеньков, данное изделие присоединялось к ремню, и под него продевался ремень (рис. 5: 9).

Все пряжки, представленные пятью экземплярами, изготовлены из бронзы техникой литья, имеют универсальное применение и могут являться как элементами конской упряжи, так и поясных наборов. Но учитывая отсутствие иных элементов пояса, считаю, что и эти предметы так же относятся к конской гарнитуре.

Четыре пряжки имеют овальную рамку с овальным сужающимся к окончанию щитком. Одному из экземпляров сопутствует обломок железного язычка и с внутренней стороны две железные, прикреплённые крестнакрест пластины для фиксации ремня. По рамке и щитку этот экземпляр

* Здесь и далее для небольших по размеру обломков рисунки не приводятся.

орнаментирован растительным узором, На рамке изображение затёрто и почти не просматривается (рис. 5: 3). Три другие полностью идентичные пряжки без язычков, возможно, имели орнамент. На поверхности щитка и гранях рамки наблюдаются углубления, но реставрировать изображение пока не удаётся (рис. 5: 6-8).

Ещё один экземпляр представлен обломком пряжки с овальной заострённой по медиальному сечению рамкой (рис. 5: 13).

В коллекцию входит набор ременных медных обойм, представленный десятью экземплярами. Несмотря на то, что некоторые из них деформированы, судя по сохранившим форму обоймам, все они прямоугольные в плане и профиле (рис. 5: 15-24).

Остальные предметы затруднительно отнести к определённой категории. Среди них железная подпрямоугольная пластина с отверстием, которая могла служить в качестве огнива (рис. 5: 1), два разноразмерных железных язычка (рис. 5: 5 ,14) и железный стержень, квадратный в сечении, с остатками медной пластины (рис. 5: 2).

Выводы

Большинство описанных артефактов достаточно выразительны, что позволяет датировать захоронение и наметить культурную идентификацию погребения. Некоторые изделия имеют широкую хронологию и территорию распространения. Это касается витых удил, железных и бронзовых пряжек. Во второй половине I тыс. н.э. аналогичные предметы встречаются на значительной территории Южной Сибири.

Наконечники стрел характерны для культуры енисейских кыргызов и получают наибольшее распространение в IX–X вв. н.э. (Худяков 1980: 100).

Особо информативными являются накладные бляшки. Несмотря на разнотипность изделий, все они относятся к торевтике малых форм, распространённых у народов Саяно-Алтая. Однако представленные типы орнаментации в значительной степени характерны для носителей культуры енисейских кыргызов. Именно на территории Минусинской котловины выявлено наибольшее число аналогичных накладных бляшек. Ярким образцом торевтики малых форм является инвентарь Тюхтятского клада (Король 2008: 177–192, табл. 23), на основе которого Л.Р. Кызласовым выделена тюхтятская культура (IX–X вв.) (Кызласов 1981: 54). Находки из дрокинского погребения демонстрируют определённое сходство с предметами клада. Схож растительный узор в виде цветков лотоса и завивающихся стеблей, обрамляющих края бляшек. Представителен набор бляшек с мотивом «пламенеющая жемчужина». В Тюхтятском кладе предметы с подобным орнаментом тоже имеются, но отличаются по форме сами бляшки, на которых присутствует такой орнамент (Король 2008: табл. 21–25). Отличаются и концевые накладки, украшенные расщеплённым побегом, из которого выходит бутон с волнообразными линиями. Прямых аналогий автором не выявлено, но подобный мотив характерен для многих кыргызских изделий, происходящих с территории Тувы и датирующихся в пределах X–XI вв. (Грач и др. 1998: 56, табл. XXII, группа III). Некоторое исключение могут составлять три бляшки, украшенные гроздьями винограда. По Г.Г. Король, предметы с такой орнаментацией встречены на территории Минусинской котловины и Тувы только в единичных экземплярах. Тем не менее исследователь не считает их присутствие у енисейских

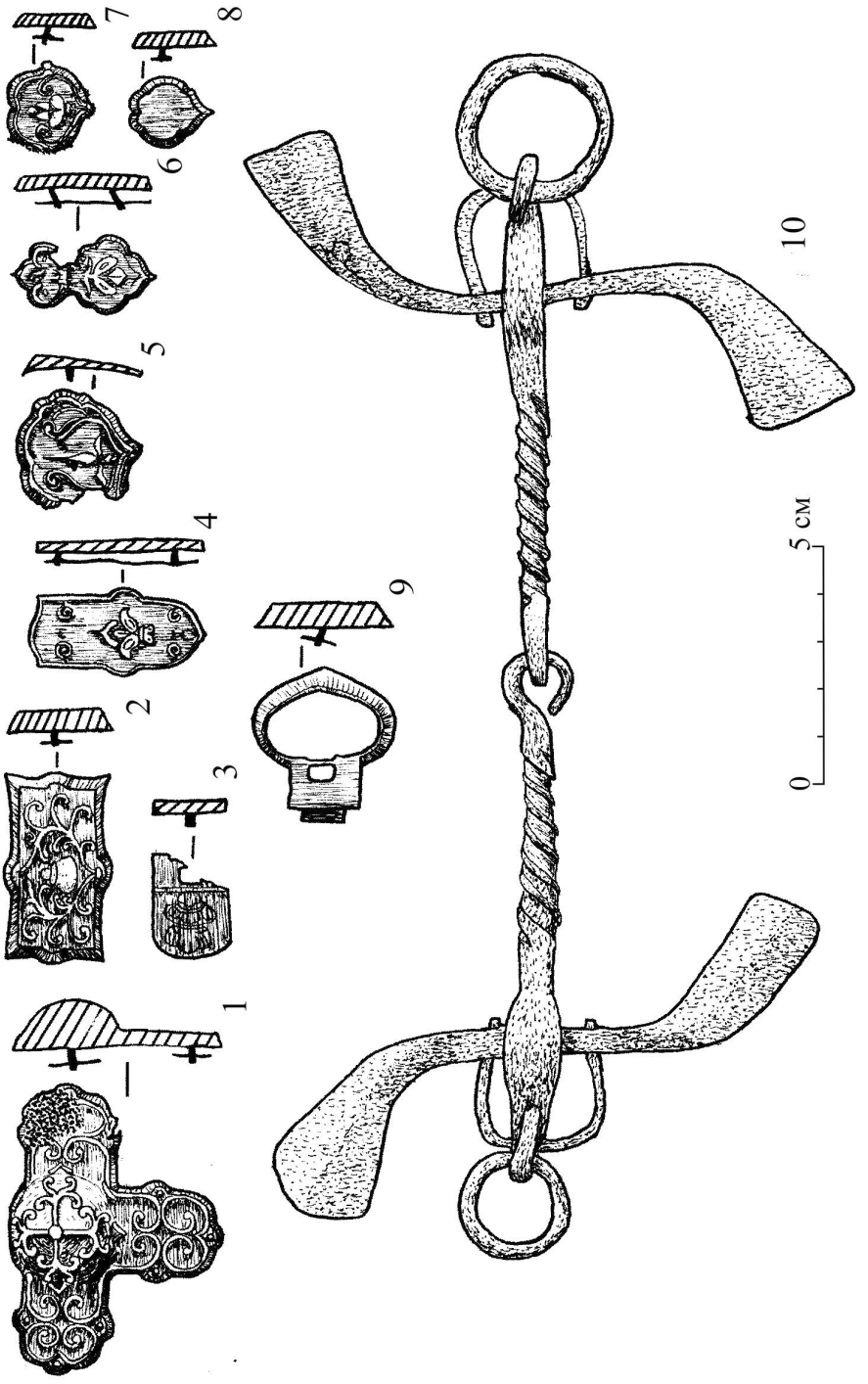


Рис. 6. Инвентарь Ладейского погребения. 1–9 – бронза, 10 – железо

кыргызов инокультурным элементом (Король 2008: 167). Выбиваются из всего набора бляшек только две миниатюрные овальные с геометрическим узором. Всё же в целом нет сомнений, что материалы дрокинского захоронения (в своем большинстве, по крайней мере) носят отпечаток влияния культуры енисейских кыргызов.

Насколько правомерно, однако, относить рассматриваемое захоронение к енисейским кыргызам? Для начала отметим, что на территории Красноярской лесостепи материалы культуры енисейских кыргызов не редкость. Они встречаются как на поселенческих объектах, так и в погребениях.

Ко времени рубежа тысячелетий относится Ладейское погребение, выполненное по обряду трупосожжения на стороне, найденное в 1928 г. на правом берегу Енисея у с. Ладейки юго-восточнее г. Красноярска (ныне черта города, Ленинский район). Археологический материал представлен железными удилами с S-образными псалиями, стременем, бронзовыми накладными сбруйными бляшками и пряжкой. Бронзовые предметы украшены растительным орнаментом (КККМ О/Ф №175/1–68) (Ри с. 6) (Карцов 1929: 51).

Материалы этого захоронения рассматривались в работах Д.Г. Савинова. Исследователем отмечается, что это, вероятно, разрушенное погребение: инвентарь имеет «собирательный» характер, т.е. вещи различаются между собой. В основном аналогии прослеживаются с находками из Тувы, в частности, из могильников Тора-Тал-Арты и Эйлиг-Хем-III. Есть вещи, имеющие аналогии и в западносибирской сросткинской культуре (Рис. 6 – 6). На основе погребений у Ладейки и под Канском выделяется Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов, датируемый по аналогиям из Тувы X–XI вв. (Савинов 1989; 1994: 148, 149).

Как видим, инвентарь Ладейского погребения заметно отличается от дрокинского, хотя сама стилистика орнаментации бронзовых бляшек остаётся схожей. Захоронения объединяет то, что в обоих случаях они разрушены, и что имеющийся материал носит собирательный характер.

С могильника Монашка, как указывалось выше, происходят ещё два погребения, выполненные по обряду трупосожжения на стороне. Сопроводительный инвентарь их не сопоставим с рассматриваемым нами и датируется в пределах первой половины II тыс., но позднее XI в. (Скобелев, Митько 2007). Однако эти объекты важны тем, что располагаются они в низменной части комплекса, в стороне от основных захоронений, да ещё и характеризуются иной обрядностью. Исследователи это связывают не только с разновременностью погребений, но и с их различным этническим статусом, относя их к местному населению. Стоит отметить, что для территории Южного Приангарья, где также имеются погребения по обряду трупосожжения на стороне с сопроводительным инвентарём из кыргызских вещей, отрицается их принадлежность к енисейским кыргызам (Харинский 2003).

В самом деле, кыргызские захоронения в своём большинстве расположены на возвышенных местах, обязательно имеют курганную насыпь, часто каменную кладку. Но погребения у Монашки и у пос. Дрокино приурочены к подножию сопок, следов надмогильных сооружений не имеют.

Всё это свидетельствует о том, что, возможно, обнаруженное захоронение у пос. Дрокино принадлежит воину – кыштыму, – который участвовал в завоевательных походах кыргызов и по возвращении погребён на родине. Во всяком случае, решение вопроса о культурной идентификации

погребения требует дополнительного изучения. Датируется памятник на основе бронзовых бляшек X–XI вв.

Литература

Грач А.Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. 1998. *Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по сре дневековой истории Тувы).* М.: «Фундамента-Пресс». (TheYenisei Kyrgyz people in the center of Tuva (Ulug-Khem III as a T uva's mediaeval history source). Moscow).

Карцов В.Г. 1929. *Описание коллекций и ма териалов музея.* Красноярск. (The museum collections and materials description. Krasnoyarsk)/

Король Г.Г. 2008. *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки.* М., Кемерово: Кузбассвузиздат. (The arts of mediaeval nomads in E urasia. Essays. Moscow & Kemerovo).

Кызласов Л.Р. 1981. Тюхтятская культура древних хакасов IX–X вв. *Степи Евразии в э поху средневековья.* М.: Наука, 54–59. (The Tyukhtyat culture of ancient Khakas people during the 9-10th centuries. *In* Eurasian steppes during the Middle Ages. Moscow).

Савинов Д.Г. 1989. Кр асноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов. *Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев* (тезисы докладов научно-практической конференции). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 144–149. (The Krasnoyarsk-Kansk variant of the Yenisei Kyrgyz culture. *In* Siberian studies, problems encountered by museum research staffs (abstracts of scientific-practical conference reports). Krasnoyarsk).

Савинов Д.Г. 1994. *Государства и культурогенез на терр итории Южной Сибири в э поху раннего средневековья.* Кемерово: Кузбассвузиздат. (States and culturogenesis around South Siberia during the early Middle Ages. Kemerovo).

Скобелев С.Г., Митько О.А. 2007. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Енисея. *Вестник Новосибирского государственного университета.* Серия: История, филология. Т. 6. Вып. 3. Ар хеология и этн ография, 212-220. (The graves typifying the rite of cremation near river Kacha in t he vicinity of Krasnoyarsk, and their place in cultural lineage of the mediaeval population around the Yenisei area. *In* Novosibirsk State University Journal. Series: history and philology. Vol. 6, issue 3. Archaeology and ethnography).

Харинский А.В. 2003. Захор онения по обряду кремации конца I ты с. н.э. из Южного Приангарья. *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири.* Кн. I. (Burials that typify the rite of cremation dated to late 1st century ad in southern Angara river basin. *In* Historical practices of economic and cultural accustomation of West Siberia. Book I). Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 220 -226.

Худяков Ю.С. 1980. *Вооружение енисейских кыргызов.* (Weaponry of the Yenisei Kyrgyz). Новосибирск: Наука.

Список сокращений

ККМ – Красноярский краевой краеведческий музей

О/Ф – Основной фонд

MEDIAEVAL BURIAL SITE NEAR DROKINO VILLAGE IN KRASNOYARSK FOREST STEPPE

S.M. Fokin

In 2017 a n amateur digger unearthed a s olitary moundless grave north off of the Krasnoyarsk outskirts near Drokino village on the left bank of river Kacha, a Yenisei tributary. The burying rite is b elieved to be "cremation on one side". The grave lacked any above-ground marks, and was located at the foot of a hill surrounded by a steppen landscape. The site yielded a notably rich inventory, 82 artifacts in total, including armor, weaponry, and horse harness parts. Most impressive are iron arrowheads, a q uiver hook, belt buckles, and horse bits. Most artifacts are bronze, such as attachment plates, belt buckles, and harness holders. The finds also include a s eries of plates featuring a

"flaming pearl" motif. The harness assemblage closely resembles those found on Ynisei Kyrgyz sites within the limits of Minusinsk Hollow and in Tuva. The analogies helped to date the burial to X-XI centuries ad . Despite the presence of Kyrgyz-originated artifacts the burial site is believed to belong with the local population; the interred could be a Kyshtym warrior. This inference can be further supported by the fact of the absence of any burial mound or gravestone, along with the location at the bottom of hill, an unlikely choice for the Kyrgyz people.

Key words: Middle Ages, Yenisei Kyrgyz, horse harness, arrowhead, floral ornament, Priyeniseysky Siberia, Minusinsk Hollow, Tuva, Krasnoyarsk.

Refer ences

Grach A.D., Savinov D.G., Dluzhnevskaya G. V. 1998. *Enisejskie kyrgyzy v c entre Tuvy (Ehjlig-Hem III kak istochnik po srednevekovoj istorii Tuvy).* [The Enisei Kyrgyz people in central Tuva (Eylig-Hem III as a source for mediaeval history of Tuva)] M.: «Fundamenta-Press».

Karcov V.G. 1929. *Opisanie kollekcij i materialov muzeya* [Museum materials collection description]. Krasnoyarsk.

Korol' G. G. 2008.*Iskusstvo srednevekovyh kochevnikov Evrazii. Ocherki*. [Arts among mediaval nomads of Eurasia. Essays.] M., Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Kyzlasov L.R. 1981. T yuhtyatskaya kultura drevnih hakasov IX–X vv. *Stepi Evrazii v ehpohu srednevekov'ya*. [Tyukhtyat culture of the ancient Khakas people in 9-10th centuries. *In* Eurasian steppes during the Middle Ages]. M.: Nauka, 54–59.

Savinov D.G. 1989. K rasnoyarsko-Kanskij variant kul'tury enisejskih kyrgyzov. *Problemy izucheniya Sibiri v n auchno-issledovatel'skoj rabote muzeev (tezisy dokladov nauchno-prakticheskoj konferencii).* [The Krasnoyarsk-Kansk variant of Enisei Kyrgyz culture. *In* Problems pertinent to Siberian studies as pa rt of museum research work (abstracts from scientific conference papers)]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta, 144–149.

Savinov D.G. 1994. Gosudarstva i kulturogenez na territorii Yuzhnoj Sibiri v epohu rannego srednevekov'ya [States and culturogenesis in s outhern Siberia during the early Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Ckobelev S.G., Mit'ko O.A. 2007. Pogrebeniya po obryadu truposozhzheniya na reke Kacha pod Krasnoyarskom i ih mesto v kul'turnoj tradicii srednevekovogo naseleniya Eniseya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriya: Istoriya, filologiya. T. 6. Vyp. 3. Arheologiya i ehtnografiya, 212–220. [Cr emation burial sites at river Kacha near Krasnoyarsk, and their meaning in c ultural tradition of mediaeval inhabitants of Enisei area. *In* Novosibirsk State University Journal. Series: history, philology. Vol. 6. I ssue 3. Archaeology and ethnography, pp. 212-220].

Harinskij A.V. 2003. Z ahoroneniya po obryadu kremacii konca I tys. n.eh. iz Yuzhnogo Priangar'ya. *Istoricheskij opyt hozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri.* Kn. I [Cremation burial sites dated from 1st millennium ad in s outhern Angara river basin. *In* Historical practice of economic and cultural adaptation to Western Siberia. Book I]. B arnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta, 220–226

Hudyakov YU. S. 1980. *Vooruzhenie enisejskih kyrgyzov* [Weaponry of the Yenisei Kyrgyz people]. Novosibirsk: Nauka.